

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.17223/18137083/79/21

**Объективные и субъективные факторы
вариативности интерпретаций текста закона
в специальной юридической литературе
и в обыденном сознании носителей языка**

Лидия Густовна Ким

Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

kimli09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1712-9663>

Аннотация

Обсуждается проблема соотношения профессионального и обыденного толкования текста. Выявляются корреляция этих понятий, различие субъектов, целей, особенностей процесса и результата интерпретации юридического документа. Материалом для исследования является статья 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации» Уголовного кодекса РФ, которая является предметом толкований профессиональным сообществом и рядовыми гражданами. Установлено, что и юристы-специалисты, и рядовые граждане неоднозначно интерпретируют статью закона, что обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. С одной стороны, вариативность толкований юридического текста определяется особенностями языковых формулировок и используемой терминологии. С другой стороны, это связано с качественным разнообразием типов языковой личности – представителей профессионального сообщества и носителей обыденного сознания.

Ключевые слова

юридический текст, интерпретация текста, профессиональное толкование, обыденное толкование, вариативность интерпретаций, объективные факторы, субъективные факторы

Благодарности

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00202)

Для цитирования

Ким Л. Г. Объективные и субъективные факторы вариативности интерпретаций текста закона в специальной юридической литературе и в обыденном сознании носителей языка // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 298–311. DOI 10.17223/18137083/79/21

© Ким Л. Г., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 298–311

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 298–311

Objective and subjective factors for variability in interpreting the law text in specialized legal literature and in everyday consciousness of language speakers

Lidia G. Kim

Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

kimli09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1712-9663>

Abstract

The paper discusses the problem of the professional and common interpretation of the legal text, determining the relation of these notions, the difference between their subjects, goals, features, and results. Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation was chosen as a material for the study, with its content being the subject of interpretations by the professional community and ordinary citizens. Comparing the comments on this article in the works of lawyers and polemics in the professional community has allowed establishing the variability of interpretations and identifying the factors of variability. It has been found that, in the professional community, a legal text is inevitably characterized by a variety of interpretations, resulting from various factors. The common interpretation results were obtained by means of a linguistic interpretation experiment. The analysis of the experimental results has revealed that ordinary native speakers perceive the content of the original legal text ambiguously. Everyday interpretation proves to produce interpretative texts reflecting semantic-pragmatic versions as a realization of semantic-pragmatic meanings of the text of the law. Both legal professionals and ordinary citizens have been found to have ambiguous interpretations, which is due to objective and subjective factors. On the one hand, the variability of legal text interpretations is determined by the peculiarities of language wordings and the terminology used. On the other hand, there is also the qualitative diversity of types of language personality or the speakers of ordinary consciousness.

Keywords

legal text, text interpretation, professional interpretation, ordinary interpretation, interpretation variability

Acknowledgements

The work is part of the study carried out by the Department of Russian Language and Literature, supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, contract no. 19-012-00202)

For citation

Kim L. G. Objective and subjective factors for variability in interpreting the law text in specialized legal literature and in everyday consciousness of language speakers. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 298–311. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/21

Введение

Задачей настоящей статьи является описание особенностей интерпретации текстов закона в специальной юридической литературе и в обыденном сознании, а также установление причин вариативности этих видов толкования.

Проблематика исследования обусловлена противоречием между единственностью смысла юридического текста как воплощения замысла законодателя и множественностью его толкований профессиональным сообществом и рядовым носителем языка, т. е. противоречием между иллюкцией и перлюкцией. Известно, что

юридический язык используется в юриспруденции для толкования текста закона. Как справедливо отмечает Н. Д. Голев, чтобы описать, проанализировать и представить полную картину этого феномена, недостаточно ограничиться только юридическим аспектом. Необходимо выйти за его рамки и рассмотреть толкование статей закона, в том числе как лингвистический феномен [Голев, 2006]. В своем исследовании феномена интерпретации мы опираемся на основные лингвистические принципы, представленные в работе В. З. Демьянкова [1999].

Юриспруденция стремится толковать законы с однозначностью уяснения и направлена на достижение нулевой вариативности интерпретаций. С другой стороны, в процессе функционирования закона в профессиональной и непрофессиональной среде выявляются его смысловая неоднозначность и множественность толкований. Именно на этом этапе, как подчеркивает Н. Д. Голев, возникает феномен противоречия между иллюкутивной силой текста и его перлокутивным эффектом [Голев, 1999]. Рассмотрению этого противоречия и факторов, обуславливающих вариативность толкований закона, посвящена данная статья.

В теоретической литературе нет однозначного понимания термина «толкование права», «толкование норм права», их объема, содержания. Несмотря на различие определений термина «толкование права», смысл его можно свести к тому, что это познавательный процесс придания определенного значения языковым выражениям законов и других нормативных актов [Пиголкин, 1998]. Процесс толкования протекает на всех стадиях правового регулирования: в ходе правотворчества, систематизации права, при разных формах его реализации. В правоприменительных процессах толкование играет важнейшую роль.

Толкование – это процесс как *объективный* (объект познания независим от познающего субъекта, процесс познания протекает в соответствии с объективно действующими законами формальной и диалектической логики), так и *субъективный*, поскольку толкование выполняется субъектом. Результат толкования выражается в понятиях, суждениях и других субъективных формах мышления.

В зависимости от правового положения субъекта, толкующего норму права, различают *официальное* и *неофициальное* толкование. *Официальное толкование* дают уполномоченные на то субъекты – должностные лица, государственные органы. Результаты такого толкования оформляются специальным актом, который имеет обязательное значение для правоприменителей¹. *Неофициальное толкование* предусматривает «такое разъяснение смысла права, которое осуществлено не уполномоченными специально на это органами и лицами и не имеет обязательного характера, т. е. не обладает юридической силой»². Видами неофициального толкования являются *обыденное толкование*, *профессиональное толкование* и *доктринальное (научное) толкование*.

Обыденное толкование может осуществляться любым рядовым носителем языка. В нем прослеживается уровень правосознания рядовых субъектов в виде правовых чувств, эмоций, представлений, переживаний в правовой сфере жизни общества [Воробьева, 2014; Голев, 2014]. *Профессиональное толкование* исходит от профессионалов, т. е. субъектов, сведущих в правовых вопросах, специалистов в области права. При этом их разъяснение не является юридически обязательным. Среди неофициального толкования важное место занимает *доктринальное (научное) толкование*. Оно так же, как и вышеуказанные виды неофициального толко-

¹ Закон: создание и толкование / Под ред. А. С. Пиголкина. М.: Спарк, 1998. 166 с.

² Там же, с. 58.

вания, не имеет юридической силы, однако более чем другие оказывает влияние на правоприменение. Доктринальное толкование дается отдельными учеными в статьях, монографиях, комментариях, специальными научно-исследовательскими учреждениями.

Как подчеркивает Н. Д. Голев, особенно важным является умение комбинировать способы толкования и применять их с учетом меняющихся внешних обстоятельств [Голев, 2006]. В том числе важно рассматривать в совокупности все факторы, которые помогут в конечном счете истолковать смысл законодательного акта.

Традиционным для юридической науки является отрицание значимости обыденного толкования права. Исключением предстает позиция Л. В. Соцура, который обыденное толкование понимает как «правовое явление, выражающее правовые чувства, эмоции, представления, переживания, оценочные и иные суждения, происходящие в сфере психики граждан в связи с исполнением прав и обязанностей, отношения к праву в целом и к конкретному закону или иному нормативному правовому акту в частности» [Соцура, 2000, с. 112].

Необходимо подчеркнуть, что при обыденном толковании текста закона рядовыми носителями языка в первую очередь проявляется неоднозначность понимания, субъективность восприятия. Законодатель изначально стремится к максимальной однозначности текста, а рядовой носитель языка может выявить несколько вариантов толкования, в этом и проявляется конфликт интерпретаций законодателя и рядового носителя языка [Голев, 2014].

В нашей правовой системе продолжают существовать как обыденное, так и юридическое толкование. На основе исследованных материалов можно сделать вывод, что оба способа дополняют и совершенствуют друг друга.

Множественность вариантов толкования текстов закона – это неизбежный, специфичный процесс. На этот процесс влияют как объективные факторы – универсальные свойства языка (динамичность, значение языковых единиц, вариативность, асимметрия формы и содержания), так и индивидуальные особенности языковой личности, а также активный характер рецептивной деятельности субъекта.

Материал исследования и методика его анализа

Исследование выполнено на материале двух типов текстов:

- 1) текст закона – пункт 1 статьи 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации» Уголовного кодекса РФ;
- 2) интерпретирующие тексты, полученные в результате лингвистического интерпретационного эксперимента.

Цель эксперимента – выявление обыденных толкований текста закона. Общее количество интерпретирующих текстов, полученных в результате эксперимента, составило 80 единиц.

Результаты исследования

В целях совершенствования законодательства в области защиты компьютерной информации в закон была введена статья 272, которая устанавливает уголовную ответственность за самое распространенное компьютерное преступление – неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации. Под

компьютерной информацией понимаются «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи»³.

Официальное толкование статьи 272 УК РФ отсутствует, поскольку до настоящего времени Верховный суд РФ его не предоставил. Неофициальное же толкование представлено рядом авторов в виде комментариев к этой статье УК РФ и в научных исследованиях специалистов.

**Неофициальное толкование текста закона,
представленное профессиональным сообществом
в комментариях к УК РФ**

Комментарий УК РФ (под ред. А. И. Чучаева). В комментарии под предметом преступления понимается охраняемая законом компьютерная информация. Указанная информация должна находиться на машинном носителе, в ЭВМ, системе ЭВМ или их сети.

В данном комментарии эта статья закона толкуется следующим образом: предметом преступления являются любые сведения (вне зависимости от формы их представления), находящиеся на электронном носителе и / или хранящиеся в электронной базе данных⁴.

Комментарий к УК РФ (под ред. А. В. Бриллиантова). Предметом преступления является компьютерная информация ограниченного доступа, т. е. сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления⁵.

В данном комментарии эта статья закона толкуется более развернуто, и дается полное определение информации, которая охраняется законодательно. Согласно комментарию, охраняется документированная информация, зафиксированная на материальном носителе. Иначе говоря, в этом комментарии закона обозначается не только перечень документов, являющихся конфиденциальными, но также способ их хранения.

Комментарий УК РФ (под ред. Г. А. Есакова). Предметом преступления является охраняемая законом компьютерная информация, которая представляет собой сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, на внешнем носителе, в компьютерной памяти или компьютерной сети. Информация является охраняемой законом, так как лицо не обладает правами доступа к данной информации⁶.

В этом комментарии автор делает акцент на правах доступа к любой информации любого характера на любом носителе. По мнению автора, незаконное получение данных без наличия к нему доступа может квалифицироваться как преступление.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021).

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, 2013. 300 с.

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 2 т. (постатейный) / Под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 792 с.

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г. А. Есакова. М.: Проспект, 2017. 670 с.

Таким образом, комментарии к закону о компьютерной информации, представленные членами профессионального сообщества, содержат существенные расхождения. Это обусловлено следующими факторами:

1) в тексте закона используется достаточно широкое определение таких ключевых понятий, как *компьютерная информация, носители компьютерной информации*;

2) комментарии зачастую носят субъективный характер, на их содержание влияют идеология, правосознание, социальные и моральные нормы субъекта, дающего комментарий, т. е. личное мировоззрение, внешние факторы и глубинные познания комментирующего;

3) влияние опыта других стран при рассмотрении этого вопроса.

Соответственно, комментарии носят субъективный характер, основанный на личных знаниях, в том числе полученных из каких-либо предпочитаемых источников.

Формулировка закона позволяет произвольно обозначить объект неправомерного доступа (электронный носитель, базу данных, конкретную информацию и т. д.) и, уже исходя из этого, комментировать статью закона.

Доктринальное (научное) толкование основных понятий, используемых в тексте закона

Вариативность содержания рассмотренных комментариев к указанной статье УК отражает представленную в специальной литературе научную полемику относительно объекта и предмета преступления, а также используемых терминов и понятий.

Одни исследователи определяют непосредственный **объект преступления** через *состояние защищенности* [Зинина, 2007]. Другие объектом считают конкретные *права и интересы по поводу ее использования* [Евдокимов, 2006]. Третья группа специалистов объект неправомерного доступа к компьютерной информации определяет через *посягательство на общественные отношения* [Числин, 2004].

Дискуссионным в научной литературе является определение **предмета преступления**. Предметом преступления считают информационную среду, т. е. деятельность субъектов, связанную с созданием, преобразованием и потреблением информации [Панфилова, Попов, 1998]. А. Е. Ратникова пишет: «...информация как предмет преступления – это сведения, сообщения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, зафиксированные или не зафиксированные на материальном носителе, воздействуя на которые виновный нарушает общественные отношения, охраняемые законом» [2006, с. 8].

Как справедливо отмечает А. А. Нагорный, «законодательная неопределенность стала одной из причин неоднородности судебной практики. С одной стороны, средствами – носителями компьютерной информации суды стали признавать широкий круг технических устройств от компьютеров и ноутбуков до банкоматов. С другой же стороны, одни и те же преступления квалифицируются судами по-разному. Генерировать информацию способно множество устройств, включая компьютер. К ним относятся мобильные телефоны, смартфоны, планшетные компьютеры и т. д.» [2014, с. 4]. В связи с этим, отмечает А. А. Нагорный, понятие «компьютер», используемое в гл. 28, выглядит несколько аморфным и полностью не отражающим суть рассматриваемых преступлений [Там же].

Дискуссионным также является вопрос определения *компьютерной информации*. В работах исследователей предлагается использовать понятия *электронная* и *цифровая* информация. Таким образом, дискуссия ведется специалистами-юристами, что, в свою очередь, подчеркивает значимость толкования данной статьи закона.

На основе приведенных комментариев, выдержек из полемики профессионалов в этой сфере можно указать ряд причин, которые способствуют появлению феномена множественности интерпретаций статьи закона: 1) личный опыт специалистов; 2) размытая формулировка статьи закона; 3) разность социальных реалий комментаторов статьи закона. Вращаясь в разных социальных кругах, общаясь со специалистами из различных сфер и даже стран, юристы по-разному воспринимают формулировку статьи закона. И как результат – акценты на разные объекты защиты (электронный носитель, сама информация, широкий или узкий подход к защищаемой информации).

Описание обыденных толкований текста закона рядовыми гражданами как результат лингвистического интерпретационного эксперимента

Экспериментальное описание обыденных толкований юридического текста выполнено в соответствии с разработанной нами теорией и методикой проведения подобного вида анализа, которые представлены в работе «Вариативно-интерпретационное функционирование текста» и ряде публикаций [Ким, 2010; 2012]. Согласно этой теории, объектом восприятия адресатом является исходный, *интерпретируемый текст*, а результатом его ментально-речевой деятельности является вторичный, *интерпретирующий текст*. Интерпретируемый и интерпретирующий тексты находятся в отношениях формально-смыслового единства. Интерпретирующий текст в генетическом аспекте является вторичным текстом, который обусловлен, порожден в формальном и смысловом отношении исходным текстом, а в функциональном аспекте интерпретирующий текст есть результат компрессии (сжатия) интерпретируемого текста.

Материалом для эксперимента является следующий текст из статьи 272 УК РФ:

Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, наказывается штрафом.

Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи (Уголовный кодекс РФ).

Цель эксперимента – выявить смысловые версии исходного текста и осуществить моделирование его интерпретационного поля, тем самым установить диктум и модус понятия компьютерной информации в понимании рядовыми носителями русского языка.

Эксперимент проходил в 2 этапа, что позволило нам выявить разные уровни репрезентации обыденного языкового сознания.

На первом этапе участниками эксперимента являются студенты Кемеровского государственного университета, обучающиеся на направлении «Филология»,

т. е. лица, не принадлежащие к профессиональному юридическому сообществу. Всего в эксперименте участвовали 50 человек.

Согласно нашей исходной установке, студенты-филологи не принадлежат к профессиональному сообществу, в отличие, например, от студентов-юристов, которые обладают специальными компетенциями толкования законодательного дискурса. Студенты-филологи не являются профессионалами и в аспекте обсуждаемого в тексте статьи 272 УК РФ предмета (компьютерная информация), в отличие, например, от программистов и лиц смежных профессий. При этом филологи, несомненно, обладают навыками восприятия и анализа содержания дискурса в целом и в определенной степени имеют некие представления, возможно знания, о компьютерной информации. На этом основании участники первого этапа эксперимента являются носителями обыденного языкового сознания 2-го уровня, в определенной мере приближенного к профессиональному сознанию.

При проведении эксперимента испытуемым был предложен текст статьи закона, который сопровождался следующими вопросами:

1) *О чем этот текст?*

2) *Что, по вашему мнению, является «компьютерной информацией»?*

Такая формулировка вопросов предполагает восприятие текста как в диктумном, так и в модусном аспекте. Предложенный для эксперимента текст предполагает обнаружение контекста, направление рассуждений респондентов в область уголовного правоприменения. При толковании предложенного текста респонденты должны были исходить из своих пресуппозиций, исходных установок, семантики составляющих эту фразу слов, предпочитаемых стратегий интерпретации. Задачи эксперимента: 1) выявление семантических вариантов интерпретируемых терминов; 2) анализ множественной вариативности результатов толкования юридического текста и установление интерпретационных стратегий.

По результатам эксперимента было получено 50 ответов, функционально представляющих собой интерпретирующие тексты. Анализ содержания ответов позволяет говорить, что ключевая фраза в этом тексте – *компьютерная информация* – понимается носителями языка по-разному, что и задает множество интерпретаций текста в целом.

Представим смысловые версии интерпретируемого текста и охарактеризуем его интерпретационное поле как совокупность смысловых версий. Под *смысловой версией* мы понимаем ментально-речевую единицу, извлекаемую из интерпретируемого текста и моделируемую нами с целью выявить, актуализировать его смысловое содержание [Ким, 2012].

При интерпретации предлагаемой респондентам фразы были предложены различные ответы, которые позволили нам выявить следующие смысловые версии текста.

1. «Компьютерная информация – это информация, которая хранится на компьютере» (16 ответов – 32 %): *Под компьютерной информацией понимаются сведения о лицах, фактах и событиях и компьютер это хранит в своих носителях*⁷; *компьютерной информацией являются информация которая находится в памяти компьютера; компьютерная информация – сообщения личные данные и т. д., это вся информация связанная с компьютером или взята из него; компьютерная информация – это данные людей которые хранятся в электронном виде на компьютере.*

⁷ Здесь и далее орфография и пунктуация респондентов сохраняется.

Ключевыми единицами в этих ответах являются слова и словосочетания: *компьютер хранит, в памяти компьютера, в персональном компьютере, хранится на компьютерном носителе.*

2. «Компьютерная информация – информация в форме электрических сигналов (в электронном виде)» (14 ответов – 28 %): *компьютерная информация – это какие-либо сведения, данные или сообщения, занесены в электронном виде, представленные в форме электрических сигналов; компьютерной информацией являются электрические сигналы в виде СМС – сообщений, каких-либо данных; компьютерной информацией является какие то сведения, данные, которые засекречены, т.к. они охраняются законом и представлены они в форме электрических сигналов; компьютерная информация: информация в виде знаков и символов; компьютерная информация – электронные данные, данные переведённые в цифровой формат любого типа; компьютерной информацией – являются данные представленные в двоичном виде.*

Ключевые единицы: *электрические сигналы, электронный вид.*

3. «Компьютерная информация – информация на электронном носителе» (7 ответов – 14 %): *это информация, которая находится на электронном носителе; компьютерная информация – это сведения, хранящиеся на электронных носителях, например на компьютере, планшете, телефоне; вся та информация, что хранится на электронных носителях; компьютерная информация – это электронный носитель.*

Ключевые единицы: *электронный носитель, машинный носитель.*

4. «Компьютерная информация – любая информация» (7 ответов – 14 %): *Компьютерная информация – относятся любые фото, видео, аудиоматериалы, сообщения, личная информация граждан; компьютерная информация – любая информация хранящаяся в электронном виде; компьютерная информация – это любая информация которая хранится не на бумажных носителях.*

Ключевые единицы: *любая информация, любые фото, видео, аудиоматериалы, сообщения.*

5. «Компьютерная информация – данные, находящиеся в собственном пользовании» (6 ответов – 12 %): *Компьютерной информацией являются данные, находящиеся в собственном электронном или интернет ресурсе, которые принадлежат только одному человеку, это могут быть документы, фото, видео, музыка, сообщения и т. д.; компьютерная информация – это своя форма общения, т. е. текст, тезисы и т. д.; компьютерная информация – это личные данные, сообщения; компьютерной информацией являются также наши персональные данные, сообщения.*

Ключевые единицы: *находящиеся в собственном пользовании, принадлежат только одному человеку, сообщения, личные данные, персональные данные.*

Анализ результатов первого этапа эксперимента позволяет утверждать, что содержание исходного текста закона рядовыми гражданами, которых мы относим ко второму уровню носителей обыденного языкового сознания, воспринимается неоднозначно. Результатом толкования смысла данной фразы являются интерпретирующие тексты, которые отражают указанные выше смысловые версии как реализацию семантико-прагматических смыслов текста. Совокупность смысловых версий образует недискретное смысловое пространство – *интерпретационное поле текста*, которое имеет ядерно-периферийную организацию [Ким, 2010].

Интерпретационное поле рассматриваемого текста имеет полицентрическую структуру, предполагающую наличие нескольких основных противопоставленных смысловых центров.

Один из смысловых центров образуют смысловые версии 4 – «Компьютерная информация – любая информация»; 5 – «Компьютерная информация – данные, находящиеся в собственном пользовании».

Другой смысловой центр составляют смысловые версии 1 – «Компьютерная информация – это информация, которая хранится на компьютере»; 3 – «Компьютерная информация – информация на электронном носителе».

Третий смысловой центр составляет смысловая версия 2 – «Компьютерная информация – информация в форме электрических сигналов (в электронном виде)».

Выделение этих смысловых центров основано на различии ключевого содержания, которое обозначили респонденты. В первом случае компьютерная информация понимается как совокупность информации (данных, сведений). Во втором актуализируется место хранения компьютерной информации. В третьем случае определяющим является форма компьютерной информации.

На втором этапе участниками эксперимента являлись лица в возрасте от 50 до 75 лет, представляющие различные социально-профессиональные группы: домохозяйка, администратор, бухгалтер, воспитатель детского сада, лаборант, механик, охранник, учитель начальных классов, учитель физкультуры, социальный работник, товаровед, электромонтер. Всего 30 человек.

Согласно нашей позиции, данная категория лиц не принадлежит к юридическому профессиональному сообществу, не занимается исследованием или толкованием текстов, не является активным пользователем компьютера. Вероятно, эта категория лиц использует компьютер в личной сфере или в сфере, ограниченной рамками профессиональных задач, не связанных с IT-технологиями. Указанные социально-профессиональные группы лиц мы относим к носителям обыденного языкового сознания 1-го уровня, дистанцированных от носителей профессионального (юридического или цифрового) знания.

При интерпретации предлагаемой респондентам фразы также были получены различные ответы, которые позволили нам выявить следующие смысловые версии текста.

1. «Компьютерная информация – вся информация, необходимая пользователю» (10 ответов – 33 %): *Компьютерная информация – это быстрая и доступная информация, не всегда достоверная в отражении современных реалий; Все что хотите: новости, изменения, сообщения друзей, знакомства с другими людьми, общность по интересам; Компьютерная информация – это сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях, процессах независимо от формы их предоставления; Когда я захожу в компьютер и нажимаю кнопки, он мне всю информацию предоставляет. Предоставит ту информацию, какую хочу, ту, которую мне нужно, которая востребована.*

Ключевые единицы: *доступная информация, нужная информация, что хочу, информация о лицах, событиях, фактах, явлениях.*

2. «Компьютерная информация – это информация, которая хранится на компьютере» (8 ответов – 26 %): *Вся информация, находящаяся на компьютере; Все данные находятся в компьютере; Что находится в компьютере и доступ к интернету; Это любая информация, которая хранится на компьютере; Сведения,*

данные, сообщения; Это все данные, файлы, входы в различные интернет ресурсы, которые сохранены на компьютере.

Ключевыми единицами в этих ответах являются слова и словосочетания *компьютер хранит, в памяти компьютера, хранится на компьютере*.

3. «Компьютерная информация – личные сведения» (7 ответов – 20 %): *Это личные сведения, которые мы предоставляем для обработки своих данных: фотоданные, личная переписка; Личная информация пользователей компьютера в виде личных сообщений, что касается лично того, кто пользуется компьютером, банковских счетов, закрытые сайты; Сообщения, личная переписка в одноклассниках, в ватсапе.*

Ключевые единицы: *личные сведения, личная переписка, личная информация.*

4. «Компьютерная информация – информация на электронном носителе» (3 ответа – 10 %): *информация, находящаяся в компьютере, зафиксированная на носителе; Вся информация на электронных носителях, доступная только определенному лицу; Это данные и другие файлы, находящиеся на электронном носителе.*

Ключевая единица – *электронный носитель.*

5. «Компьютерная информация – информация в форме электрических сигналов (в электронном виде)» (2 ответа – 7 %): *Компьютерная информация – это сведения, представленные в форме электрических сигналов.*

Ключевая единица – *электрические сигналы.*

Анализ результатов второго этапа эксперимента позволяет утверждать, что содержание исходного текста закона рядовыми гражданами, которых мы относим к первому уровню носителей обыденного сознания, также воспринимается неоднозначно. Результатом толкования смысла данной фразы являются интерпретирующие тексты, которые образуют *интерпретационное поле текста*. Особенность этого интерпретационного поля мы видим в достаточно четком противопоставлении ответов информантов, которые отражают, с одной стороны, личностное восприятие текста, а с другой – формализованное. Так, ответы информантов, которые выражают первую, вторую и третью смысловые версии, передают личностное, субъективное восприятие и отношение к компьютерной информации. В ответах этой группы реализуется рецептивный принцип «Я-восприятие», «Пропускаю через себя», «Рассказывая о внешнем объекте, говорю о себе». Об этом свидетельствуют такие лексико-синтаксические единицы, как *быстрая и доступная информация, не всегда достоверна; все что хотите: сообщения друзей, знакомства с другими людьми, общность по интересам; когда я захожу в компьютер и нажимаю кнопки, он мне всю информацию предоставляет; информацию, какую хочу, которую мне нужно, которая востребована; различные интернет ресурсы, которые сохранены на компьютере; личные сведения, которые мы предоставляем для обработки своих данных: фотоданные, личная переписка; личная информация; личная переписка в одноклассниках, в ватсапе.*

Вторую группу составляют ответы информантов, которые выражают четвертую и пятую смысловые версии. В этих ответах представлен формализованный, копияльный принцип интерпретации содержания исходного текста: «Воспроизвожу, повторяю содержание исходного текста». Об этом свидетельствуют используемые в ответах этой группы такие лексико-синтаксические единицы, как *информация на электронных носителях, файлы, находящиеся на электронном носителе; сведения, представленные в форме электрических сигналов.*

Таким образом, на основе анализа толкования текста закона можно утверждать, что пользователи русского языка как первого, так и второго уровня носителей обыденного языкового сознания неоднозначно воспринимают понятие *компьютерная информация*.

Неоднозначность восприятия обусловлена, во-первых, объективными свойствами языка (динамичность, вариативность, асимметрия формы и значения, стихийность функционирования и др.) и, во-вторых, индивидуально-психологическими особенностями рядового носителя языка, активным характером его рецептивной деятельности. Рядовые носители русского языка как первого, так и второго уровня являются субъектами обыденного толкования, которому присуща вариативность понимания, основанная на субъективном восприятии текста. При толковании предложенного текста респонденты исходили из семантики составляющих эту фразу слов, предпочитаемых стратегий интерпретации, а также своих исходных установок, содержащих представление о компьютерной информации.

Выводы

Таким образом, в процессе анализа толкования текста закона представителями профессионального сообщества и рядовыми носителями языка было установлено противоречие между иллокуцией как коммуникативным намерением законодателя, его стремлением создания непротиворечивого, однозначно толкуемого текста и перлокуцией, т. е. множественностью и вариативностью интерпретаций этого текста профессиональным сообществом и рядовыми гражданами. Указанное противоречие считаем неизбежным и объективным, обусловленным рядом факторов.

Специалисты в области юриспруденции подходят к трактовке и интерпретации статей законов глубже и отмечают в первую очередь правовые аспекты. Используют для интерпретации такие способы толкования, как систематический, специально-юридический, грамматический, телеологический и т. д. В то время как опрос респондентов показал, что студенты-непрофессионалы, носители обыденного сознания ориентируются на семантику слов, составляющих эту фразу.

Интерпретация статьи закона обычными гражданами и специалистами-юристами различается объектами понимания. Так, юристы, судя по комментариям, рассматривают текст закона в целом, не разделяя его на части. Обычные граждане интерпретируют закон, исходя из его контекста, т. е. для них термин *компьютерная информация* связывается прежде всего с личным опытом, а не с юридическим пониманием.

И юристы-специалисты, и рядовые граждане неоднозначно интерпретируют статью закона, что обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. С одной стороны, вариативность толкований юридического текста определяется особенностями языковых формулировок и используемой терминологии. С другой стороны, это связано с качественным разнообразием типов языковой личности – рядовых граждан государства.

Список литературы

Воробьева М. Е. Оппозиция официального и обыденного толкования права (лингвокогнитивный аспект) // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. № 383. С. 35–41.

Голев Н. Д. От редактора. Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 4–11.

Голев Н. Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика. 2006. № 7. С. 8–39.

Голев Н. Д. Обыденное филологическое толкование текста закона как компонент правовой коммуникации: взгляд лингвиста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2. С. 5–15.

Демьянков В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 5–13.

Зинина У. В. Преступления в сфере компьютерной информации в российском и зарубежном уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 160 с.

Евдокимов К. Н. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия неправомерному доступу к компьютерной информации (по материалам Восточно-Сибирского региона): Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. 203 с.

Ким Л. Г. Интерпретационное поле как реализация вариативно-интерпретационного потенциала текста (на материале лингвистического эксперимента) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 203–212.

Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2012. 272 с.

Нагорный А. А. Содержание понятия компьютерной информации как предмета компьютерных преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1695–1698.

Панфилова Е. И., Попов А. Н. Компьютерные преступления. СПб.: Изд-во СПб. юрид. ин-та Ген. прокуратуры РФ, 1998. 48 с.

Пиголкин А. С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование / Под ред. А. С. Пиголкина. М.: Спартак, 1998. 283 с.

Ратникова А. Е. Уголовно-правовое обеспечение права на информацию (Сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 25 с.

Соцура Л. В. Неофициальное толкование норм права: Учеб. пособие. М.: Профобразование, 2000. 112 с.

Числин В. П. Уголовно-правовые меры защиты информации от неправомерного доступа: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 134 с.

References

Chislin V. P. *Ugolovno-pravovye меры zashchity informatsii ot nepravomernogo dostupa* [Criminal law measures to protect information from unauthorized access]. Cand. law sci. diss. Moscow, 2004, 134 p.

Dem'yankov V. Z. Interpretatsiya kak instrument i kak ob'ekt lingvistiki [Interpretation as a tool and as an object of linguistics]. *Voprosy filologii*. 1999, no. 2, pp. 5–13.

Evdokimov K. N. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty protivodeystviya nepravomernomu dostupu k komp'yuternoy informatsii (po materialam Vostochno-Sibirskogo regiona)* [Criminal and criminological aspects of countering illegal access to computer information (based on materials from the East Siberian region)]. Cand. law sci. diss. Irkutsk, 2006, 203 p.

Golev N. D. Ot redaktora. Postanovka problem na styke yazyka i prava [From the editor. Statement of problems at the junction of language and law]. *Legal Linguistics*. 1999, no. 1, pp. 4–11.

Golev N. D. Pravovaya kommunikatsiya v zerkale estestvennogo yazyka [Legal communication in the mirror of natural language]. *Legal Linguistics*. 2006, no. 7, pp. 8–39.

Golev N. D. Obydennoe filologicheskoe tolkovanie teksta zakona kak komponent pravovoy kommunikatsii: vzglyad lingvista [Ordinary philological interpretation of the text of the law as a component of legal communication: a linguist's point of view]. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2014, no. 2, pp. 5–15.

Kim L. G. Interpretatsionnoe pole kak realizatsiya variativno-interpretatsionnogo potentsiala teksta (na materiale lingvisticheskogo eksperimenta) [Interpretive field as a realization of the variational-interpretive potential of the text (based on the material of a linguistic experiment)]. *Siberian Journal of Philology*. 2010, no. 1, pp. 203–212.

Kim L. G. *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta* [Variation-interpretive functioning of the text]. Kemerovo, 2012, 272 p.

Nagornyy A. A. Soderzhanie ponyatiya komp'yuternoy informatsii kak predmeta komp'yuternykh prestupleniy [Content of the concept of computer information as a subject of computer crimes]. *Actual Problems of Russian Law*. 2014, no. 8 (45), pp. 1695–1698.

Panfilova E. I., Popov A. N. *Komp'yuternye prestupleniya* [Computer crimes]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg Law Institute of the RF Prosecutor General's Office, 1998, 48 p.

Pigolkin A. S. Tolkovanie norm prava i pravotvorchestvo: problemy sootnosheniya [Interpretation of the rule of law and lawmaking: correlation problems]. In: *Zakon: sozdanie i tolkovanie* [Law: creation and interpretation]. A. S. Pigolkin (Ed.). Moscow, Spartak, 1998, 283 p.

Ratnikova A. E. *Ugolovno-pravovoe obespechenie prava na informatsiyu (Sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [Criminal law enforcement of the right to information (Comparative legal study)]. Abstract of Cand. law sci. diss. Moscow, 2006, 25 p.

Sotsuro L. V. *Neofitsial'noe tolkovanie norm prava: uchebnoe posobie* [Informal interpretation of the law: a study guide]. Moscow, Profobrazovanie, 2000, 112 p.

Vorob'eva M. E. Oppozitsiya ofitsial'nogo i obydennogo tolkovaniya prava (lingvokognitivnyy aspekt) [Opposition to the official and ordinary interpretation of law (linguo-cognitive aspect)]. *Tomsk State University Journal*. 2014, no. 383, pp. 35–41.

Zinina U. V. *Prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii v rossiyskom i zaru-bezhnom ugolovnom prave* [Crimes in the field of computer information in Russian and foreign criminal law]. Cand. law sci. diss. Moscow, 2007, 160 p.

Информация об авторе

Лидия Густовна Ким, доктор филологических наук

Information about the author

Lidia G. Kim, Doctor of Philology

*Статья поступила в редакцию 06.10.2021;
одобрена после рецензирования 27.12.2021; принята к публикации 27.12.2021
The article was submitted 06.10.2021;
approved after reviewing 27.12.2021; accepted for publication 27.12.2021*

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 2
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2